Мерзлякова Е. О.

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕГМЕНТОВ КОНЦЕПТАЧАЙ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/47.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 122-124. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Как позабыл небесный образ твой! (I, 324)

В 1911 г. Брюсову важно сохранить недосказанность, тайну общения с возлюбленной и потому он подчеркнуто немногословен. Если в стихотворении чувствуется дистанция между *ней* и лирическим субъектом, то во сне переживается «несказанное счастье» близости: «Мы стояли у окна, и в душе было несказанное счастие, что мы вновь вместе. <…> Она обняла меня нежной рукой и приблизила свое лицо к моему. И была в ней и доверчивость беспомощной девочки, и заботливость любящей матери – дитя и мать, то, что образует святое, вечно-женственное, der ewig-Weibliche!..» [там же]. Воссоздание духовной сущности «единственной» не нуждается в портретном изображении; поэту предстал неповторимый лик, неподвластный течению времени, открывший предвечную соединенность двоих («мы вновь вместе»).

Особая семантика отличает в сновидении образ окна. Дважды повторяется: «Мы стояли у окна». Далее: «За окном был ночной город – очертания готических церквей, черепитчатые крыши, небо в звездах». («Средневековый» пейзаж, возможно, имеет литературную параллель с «Фаустом» Гёте и с романом Брюсова «Огненный ангел»). Завершается описание так: «Вечность была за окном» [там же]. Окно – символ откровения запредельного бытия, символ перехода из времени в вечность.

Причастность В.Брюсова к «софийной» линии в русской поэзии, без сомнения, освещает важную грань его художественного мировидения., хотя миф о Чистой Женственности не достигает у него такого мистического пафоса, какой свойствен лирике Вл. Соловьева, А.Блока или А.Белого.

Список использованной литературы

1. **Брюсов В.Я.** Дневники. М., 1927.
2. **Брюсов В.** Неизданное и несобранное. М., 1998.
3. **В. Брюсов:** (Сб. материалов). Литературное наследство. Т. 85. М., 1976.
4. **Валентинов Н.** Брюсов и Эллис // Воспоминания о серебряном веке. М.: Республика, 1993.
5. **Измайлов А.А.** Валерий Брюсов // Критика начала XX века. М., 2002.
6. **Максимов Д.Е.** Брюсов: поэзия и позиция. Л., 1969.

Примечания

1. Тексты стихотворений В.Брюсова приводятся по изданию: Брюсов В.Я. Собр. соч. в 7 т. М.: Художественная литература, 1973.

2. О близости некоторых воззрений В.Брюсова и Вл. Соловьева см.: Дякина А.А. Наследие М.Ю. Лермонтова в поэзии серебряного века: Дис…д-ра филолог. наук: 10.01.01. Елец, 2004 – 342 с.

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕГМЕНТОВ КОНЦЕПТА *ЧАЙ*

Мерзлякова Е. О.

Томский государственный педагогический университет

Современная лингвистика проявляет особый интерес к сущности человека, его духовному миру и культуре и, соответственно, к смысловой стороне языка, что способствует формированию новой научной парадигмы, которую принято называть антропоцентрической или, иногда, гуманистической. В семиотическом выражении это означает «обращение к символической стороне языка, переход от знака к символу» [Иванов 2002: 7].

Несмотря на знаковое происхождение, символ как таковой не может быть знаком чего-то внешнего, материального, буквального. Он выразительно отсылает нас к чему-то абстрактному, социально и культурно значимому. Смысл символа (как слова, так и конкретного объекта) обычно становится понятным только в пределах какой-то определенной страны, культуры, отрасли знаний и т.д., хотя имеются символы и международного статуса, напр.: *кленовый лист* символизирует Канаду, *красный крест* скорую помощь и т.д.

Естественно, что существует и индивидуальный символизм, то есть символизм, связанный с личным опытом и чувствами конкретного человека. При этом человеку как бы открывается нечто, требующее определенного толкования и оценки, которая может носить как положительный, так и отрицательный характер [Иванов 2002: 115 - 116].

Среди знаков символического характера особое место занимают *иконические знаки, или иконы* (от греч. eicōn – изображение, образ).

Слово *icon* имеет несколько значений 1) священный образ (изображение Иисуса Христа, Девы Марии и святых), почитаемый в христианстве, 2) фотография, рисунок, скульптура и т.д. как знак-образ, представляющий реальный объект, его свойства и функции (Напр.: Рисунок кружки с пенящимся пивом на вывеске указывает на трактир или пивной бар) [Соломоник 2002: 63] 3) значок на экране компьютера, который помогает пользователю выполнять определенную операцию и, наконец, в более широком смысле, 4) *любой объект (имя, лицо, предмет, продукт и т.д.), легко узнаваемый всеми и вызывающий особо положительные эмоции* [Oxford Illustrated Dictionary 1998: 402].

В настоящее время в Великобритании осуществляется попытка создать реестр общенациональных иконических знаков. Этот реестр пока что невелик, поскольку проводится тщательный селективный отбор: bagpipes, baked beans, Big Ben, British monarchy, bulldog, fish and chips, Union Jack и другие. Согласно этому про-

екту, иконические знаки должны соответствовать следующим параметрам: (а) символичность и уникальность для английской культуры, истории и образа жизни; (б) узнаваемость большим количеством людей; (в) ассоциативность [http://www.icons.org.uk/].

Кроме вышеназванных иконических знаков, в списке значится и такая реалия неанглийского происхождения, как чай [http://en.wikipedia.org]. Чай представлен в двух категориях: чай как напиток и как прием пищи. В данной работе мы рассмотрим семантику иконического знака *чай* как прием пищи, а так же такое явление английской культуры как «tea-party», т.е. общественное мероприятие, которое, по-видимому, произошло от чая как приема пищи, но в настоящее время считается достаточно независимым явлением.

Чай имеет богатую историю. Первоначально англичане завозили чайный лист из Китая, затем стали выращивать его в Ассаме. Широкое распространение во всех слоях английского общества чаепитие получило позднее, в конце 19 века. Ввела эту традицию Анна, супруга герцога Бедфорда VII. Около пяти часов вечера герцогиня просила подать чай, чтобы избавиться от легкого чувства слабости (sinking feeling). Викторианская Англия с готовностью переняла привычку Анны выпить чаю с легкой закуской в промежутке между ленчем и обедом. Различают «afternoon (low) tea» и «high tea». Первый обычно подается между половиной четвертого и половиной пятого. Гостей приглашают за низкий чайный столик (отсюда название low tea), к такому чаю предлагается легкая закуска. «High tea» подается между половиной шестого и половиной седьмого. Это плотный обед с чаем в тех семьях, где не принято ужинать поздно [Сатина 1997: 146 - 147].

Постепенно, помимо домашнего ритуала, чай становится официальным общественным мероприятием. *Another novelty is the tea-party, an extraordinary meal in that, being offered to persons that have already dined well, it supposes neither appetite nor thirst, and has no object but distraction, no basis but delicate enjoyment* [Brillat-Savarin 1994: 136]. Писательница девятнадцатого века отмечает, что званный чай не предполагает приема пищи как такового, все мероприятие ориентировано на расслабление и получение гостями удовольствия от общения.

Чаепития (tea parties) проводятся по разным поводам: собрания различных организаций, поддержка благотворительных кампаний. На чай могут приглашать знаменитостей, победителей различных конкурсов и т.д.

В слове *чай* вербализована сложная ментальная структура, существующая в культуре и сознании англичан. Соответственно, можно говорить о существовании концепта *чай.*

При описании особенностей этого концепта мы будем опираться на исследования И.А. Стернина, который предлагает детальное описание структурных особенностей концепта. Каждый слой концепта (ядро, когнитивные слои, периферия) отражает в себе признак или группу признаков разной степени абстрактности. И.А. Стернин так же отмечает, что концепт может также обладать и сегментной структурой, его особенностью является равноправие всех сегментов, окружающих ядро [Стернин 2001: 58 - 65].

Изучив ряд словарных статей и применив методы когнитивного исследования, мы можем представить структуру концепта *чай* следующим образом: ядро концепта репрезентировано словом *tea.* Наглядный образ - напиток из заваренных листьев с соответствующим цветом, вкусом и ароматом, подается в чашке: чашка чаю. К базовому слою примыкают, по нашему мнению, два сегмента. Первый из сегментов может быть объективирован словом tea или словосочетаниями afternoon tea, high tea, или tea-time, которые выражают прием пищи, наряду с завтраком, обедом, и т.д., второй – tea-party, т.е. званный чай, официальный прием, общественное мероприятие. Базовый слой концепта *чай* имеет также другие когнитивные уровни, возникшие в ходе культурно-исторического процесса. Чай на этих уровнях выступает (а) как лекарственное средство; (б) как знак гостеприимства; (в) как возможность пообщаться с друзьями. К интерпретационному полю будут относиться различные конструкции типа one's cup of tea / not my cup of tea и др.

Структура сегмента чай как приема пищи тоже, по нашему мнению, является многослойной. Можно выделить следующие слои сегмента: (а) чай как прием пищи, происходящий около пяти часов вечера, во время которого подается чай; (б) прием пищи, во время которого могут подавать другие напитки; (в) чай как показатель времени, т.е. имеется в виду определенное время суток. Все эти данные о слоях и сегментах концепта чай находят свое подтверждение в литературных источниках.

Главной особенностью чая как приема пищи является то, что его подают в определенное время. *In England we always have tea at half past. […] My husband doesn't mind at all if dinner is a little late. But gets – quite – well, quite "ratty" if the tea is late* [Lawrence 1988: 733]. В этом примере жена-иностранка рассказывает своей подруге о своей жизни в Англии, о том, как серьезно ее муж-англичанин относился к тому, что бы чай подавали вовремя.

К вечернему чаю традиционно в качестве напитка подается чай. *At five o'clock the following day old Jolyon sat alone, a cigar between his lips, and on a table by his side a cup of tea* [Galsworthy 1956: 60]. Пятичасовой прием пищи у старого Джолиона состоял из сигары и чашки чаю.

Чай выступает также как прием пищи, во время которого чай как напиток не является обязательным условием. *Soon after five p.m. we had another meal, consisting of a small mug of coffee, and half a slice of brown bred* [Bronte 2004: 47]. В школе-интернате, куда попала Джейн Эйр, в пять часов вместо традиционного чая подавали кофе и половину кусочка черного хлеба

Слово *tea* может, также, обозначать определенное время суток. *He's always at home to tea, sir, to play with the children* [Galsworthy 1956: 313]. Старый Джолион пришел к сыну, но его не было дома, и служанка сказала, что он обычно возвращается к чаю, чтобы поиграть с детьми.

Сегмент *чай как общественное мероприятие* вербализируется существительными «tea» или «tea-party» со значением «званный чай».

Званный чай может быть посвящен официальному или благотворительному событию, часто проводимому в церковном приходе. *Those previous Easter holidays he had met Nancy only one – and in the far from erotic settings of a Mother's Union tea-party at the Vicarage…* [Fowles 1982: 372]. Главный герой встречает свою знакомую только однажды во время пасхального благотворительно званного чая, организованного союзом матерей в местном приходе.

Приглашение на званный чай является знаком того, что человек признан и принят в общество. *Two days after her return from London, Carolyn received a call from Derek de Mancy's sister Margaret, inviting her to come over for tea. It was the first social invitation she had received since arriving in England …* [Lindsay 1977: 64]. Каролина получает приглашение на чай. Это ее первое приглашение в общество с тех пор, как она вернулась в Англию.

Званный чай может быть и частным мероприятием, посвященным семейному событию. *Mrs. Liversedge, with a sense of the fitness of things, had given a musical tea in his honour* [Galsworthy 1956: 152]. Миссис Ливерседж дает музыкальный прием с чаем по случаю приезда Соамса.

Чай считается национальным иконическим знаком, символом британской культуры. При изучении этого иконического знака мы приходим к выводу, что он является многоуровневым сложным концептом с двумя сегментами: чай как прием пищи и чай как общественное мероприятие. Чай как прием пищи выделяют также в отдельный иконический знак, поскольку он обладает долгой историей и традициями, англичане считаются основоположниками этого ритуала. В современной Британии чай обозначает прием пищи, во время которого сам напиток чай становится необязательным. Чай также является отрезком времени во второй половине дня, во время которого обычно проходит прием пищи. Чай как общественной мероприятие несколько отличается от чая как приема пищи. Званный чай проводится в официальных или благотворительных целях, а с целью отметить семейное торжество. Званный чай является особенностью британского общества. Быть приглашенным на чай означает быть признанным и принятым в определенный круг людей. Чай – это особый символ культуры, охватывающий важные аспекты жизни британцев, отражающий в себе исторические ценности и не теряющий актуальности в современном обществе.

Список использованной литературы

1. Brillat-Savarin, Jean Anthelme. The Physiology of Taste, or Meditations on Transcendental Gastronomy by. L.: Penguin Classics. – 1994. - 384 p.

2. Bronte, Charlotte. Jane Eyre. –M., 2004. – 432 p.

3. Fowles J. Daniel Martin. – L.: Triad / Granada, 1982. – 668 p.

4. http://en.wikipedia.org/wiki/User:The_wub/British_cultural_icons

5. http://www.icons.org.uk/

6. John Galsworthy. The Man of Property. M.: Foreign Languages Publishing House. – 1956. – 440 p.

7. Lawrence, D.H. The Captains Doll // Английская новелла первой половины XX века. Сборник. Сост. В.А. Скороденко. На англ. яз. М., 1988. – С. 733.

8. Lindsay R. Mask of Gold. – Toronto: Harlequin Books, 1977. – 191 p.

9. Oxford Illustrated Dictionary. Oxford Univ. Press, 1998. – С. 402.

10. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). - Мн., 2002.- 175 с.

11. Сатина В.Ф. Читаем и говорим о Британии и британцах. 2-е изд., стереотип. - Мн., 1997. – С. 146 - 147.

12. Соломоник А. Философия знаковых систем и язык. – Изд. 2-е. - Мн., 2002. – С. 63.

13. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58 - 65.

ПРОБЛЕМА ОТБОРА И ОРГАНИЗАЦИИ ФОНЕТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ГОВОРЕНИЮ

Мирзоева Е. Ю.

Анапский филиал Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова

По справедливому утверждению многих отечественных и зарубежных методистов (Р. К. Миньяр-Белоручев, В. Мэкки, Е. И. Пассов), среди множества проблем методики проблема отбора и организации речевого материала – одна из самых сложных и важных. Предполагается, что объективный отбор и организация речевого материала в соответствии с задачами обучения являются одним из возможных путей оптимизации процесса преподавания ИЯ.

В ходе развития методической науки существовали различные, сменяющие друг друга подходы к решению этой проблемы. Каждый метод и подход к обучению по-своему стремился организовать учебный материал с учетом базовых для них принципов и критериев. Однако ни одна из предложенных теорий организации и отбора учебного материала не удовлетворяла решению главной задачи – формированию коммуникативной компетенции учащегося. Описанные принципы и критерии отбора были лишены функциональности, речевой направленности, языковые минимумы давали представление о системе языка, а не о системе речи.